

ДАВАЙТЕ ВЫПЬЕМ ЗА ТЕХ, КТО В МУРЕ

1980 — 1995 — 25.07 — Е.Б.
«Ни единой буквой не лгу» — таково было творческое кредо Владимира Высоцкого. Далеко не всех устраивала эта твердая авторская позиция певца и гражданина. И ломали его как могли. Верней, пытались.

...Однажды в УБХСС Москвы раздался звонок заместителя начальника Управления музыкальных учреждений Министерства культуры РСФСР. Чиновник «культурного ведомства» порекомендовал ответственному сотруднику столичного Управления БХСС: «Обратите внимание на «левую» концертную деятельность Высоцкого».

В Управлении по борьбе с хищениями социальности деликатное служебное задание получил молодой, но подающий большие надежды рядовой инспектор УБХСС Главного управления внутренних дел Москвы Евгений Александрович Немченко. Понятно, милиционерский работник энергично взялся за выполнение порученного дела: еще бы, бесстрастный профессиональный «зажим» нужно применить не к кому-то, а к Высоцкому! Оперативник отдавал себе отчет в том, что неглубоко знает творчество народного любимца, поэтому заодно надеялся составить более полное представление о нем самом, о «слагаемых» популярности этого человека.

Оперативный капкан захлопнулся уже через пару дней: целеустремленный убэзэссэзник «накрыл» Высоцкого на неафишируемом концерте, проводившемся в Московском институте инженеров землеустройства, что

у Курского вокзала столицы. Короче, «обычная совсем история»: в 627-м кабинете на шестом этаже корпуса «А» дома N 38 на Петровке началась протокольная беседа инспектора и исполнителя собственных песен.

— Сколько вам заплатили за концерт? — поинтересовался управленческий сотрудник и внимательно взглянул на сидевшего напротив него на стуле поэта.

— Сколько заплатили? — переспросил Владимир Семенович. — Сто рублей. Но и бесплатно выступить бы не отказался.

— Как вы договариваетесь о сумме вознаграждения за такой концерт?

— Сумму никогда не оговариваю: заплатят — не откажусь, нет — что ж, не это главное, не один раз выступал просто так, не за деньги, а ради общения со зрителями. Мне нужна аудитория, сколько можно петь на магнитофон для друзей? Если зрительской аудитории не будет, для меня это творческий конец.

Инспектор продолжал гнуть свою линию.

— И все-таки сколько вы дали таких концертов?

Высоцкий призадумался:

— Сколько дал таких концертов? Наверное, десять—двенадцать, может — меньше, может — больше, я не считал.

История о несостоявшемся деле Владимира Высоцкого

— А где они проходили?

— Где? При желании можно вспомнить, только зачем, я ведь ничего не отрицаю, для меня важно другое — возможность творческого общения с людьми. Легально я такой возможности не имею. Хотел бы работать, концерты официально не разрешают.

— А почему? — удивился Евгений Александрович.

— Почему? Им виднее, — коротко ответил Владимир Семенович.

— Кому — «им»?

— Кому им? Стоит ли уточнять, неужели не ясно?

Помолчав, офицер милиции спросил у собеседника о его дальнейших планах.

По-прежнему сохраняя достоинство, Высоцкий несколько оживился:

— Что дальше? Как вам ответить... Я играю в театре, снимаюсь в кино, но без гитары, без песен просто не могу, а уж делать выводы — ваше право...

Во время беседы оперативнику мешали коллеги, у которых находился какой-нибудь предлог, чтобы зайти в 627-ю и хоть мельком увидеть легендарного певца. Впрочем, инспектору был понятен чисто человеческий интерес товарищей по службе, стражей экономической законности, к незаурядной личности Высоцкого. И с каждым его словом у Немченко крепла уверенность в правильности того единственного решения,

в которое он сам уверовал полностью: «Не предпринимать ничего, а отпустить, как говорили древние, с миром: ведь прав он, Высоцкий, во всем, тысячу раз прав! Ну какой это делец? Разве он рвется к деньгам? Ему бы петь, играть. Ну почему не дать такую возможность истинному таланту?..»

По признанию самого Евгения Александровича, лучшие строки Высоцкого из того небольшого, что инспектор тогда знал, властно возникли из памяти и не оставляли места для колебаний и сомнений.

Пока Немченко отмечал у дежурного пропуск Высоцкого, поэт ожидал оперативника на лестничной площадке шестого этажа. Владимир Семенович уже был обрадован известием о том, что, вопервых, уголовного дела не будет, поскольку и оснований для этого не оказалось. А во-вторых, инспектор и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела решил не выносить: мол, не было ничего — и все тут, зачем лишний раз трепать имя поэта. И в-третьих, никакие письма и представления никуда не уйдут, а думается, этого как раз и ждали высокие «инициаторы» оперативной разработки Высоцкого, чьи «режимные амбиции» не оправдал простой офицер с Петровки.

Отдав подписанный пропуск, Немченко уже сугубо для себя любопытствовал:

— Как понимать «В наш тесный круг не каждый попадал», «Не буду я больше вором и бандитом, по-дамся-ка лучше я в антисемиты» и «Это был воскресный день»?

— Это ошибки моей молодости, — не колеблясь сказал Владимир Семенович.

На том и расстались инспектор и поэт. Через полгода Немченко из УБХСС перевели служить в подразделение, весьма далекое от оперативной работы: в командно-административную систему не вписывались думающие милиционерские работники.

Сколько раз мы, телезрители, с удовольствием смотрели многосерийную картину Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя». За исполнение роли сотрудника МУРа Глеба Жеглова в этом фильме Владимиру Семеновичу Высоцкому посмертно была присуждена Государственная премия СССР. Что ни говорите, а милиционерскую специфику актер и певец тонко прочувствовал, поэтому в свое время и разошлась по стране на магнитоальбомах его серьезношутливая «муровская» песня:

*Побудьте день вы в милиционерской шкуре,
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте выпьем за тех, кто в МУРе!
За тех, кто в МУРе, никто не пьет...*

Александр ТАРАСОВ.